

ВОЗНОВЛЕНИЕ ВОСЛАВА

Продолжение.
Начало см. в №№ 5, 6, 8, 9, 10, 11.

Как мы узнаём из повествования на странице 141 книги Гусейнова, легенда о бедовой любви Баба Кухи живёт в сердцах людей и каждый раз сопутствует памяти, восходящим на вершину святой горы. А зародилась она с первого взгляда на медвежье у ширванского скала, куда он был приглашён и где влюбился в дочь государя.

«Заявлявшие тайная переписка, затем тайные свидания. Говорят, что они виделись на зябате в Агдабере, где паломники на Бабадаг останавливались на привал по дороге к вершине. Но шах прозвал об эту любовь. Не застав дочь во дворец, он направил конных стражников на поиски. Всадники застают пару на склонах горы. Влюблённых ничего не остаётся, как продолжать восхождение. Ем мучает жажда. Он подбегает: «Потерпи, доберёмся до вершины, там лежалый снег, утолим жажду снегом.». Шакская дочь, обессев, опустилась на уступ скалы. Солнце глало немилосердно. На небе ни облака. «О, Боже, помоги...». И тут произошло чудо — с высоты по небесному яркому, потекли струйки, прозрачные как слёзы. Они наполнили вьюмку, и образовалась лужа. Пролетит годы, и это каменное коротко наречённое молва назовет «гой-нохур» — «Небесный смолт». И влюблённые припали к воде и напился досыта. Вечерело. Они были на круче, недосаждаемой для конных преследователей, когда Она прочитала: «Это наша первая и последняя ночь».

Сказала, как в воду глядела. Поэт прожил долгую жизнь, но встретиться ещё раз на этом свете им не почастилось. А для другой любви места в его сердце так и не нашлось.

Взошла луна, небо вылезало, косы шакской долины испускали на плечи, и девочки плути казалась светосонным извещанием. Раскрыл вьюмку. Баба Кухи устремился к ней. Но руки его обняла пустота. Его избранница растворилась в потоке лунного сияния и исчезла. И только в тишине безмолвных скал под самой вершиной заливалась неистовой песней невидимая птица...

Баба Кухи в предчувствии неминуемой кары за «крамольную любовь» вынужден был покинуть отечество. В родные края он вернётся только на закате дней, чтоб сказать родине: «Прощай». Он собирается войти на святую гору, но знает: сил не хватит. Решив идти, сколько сможет, он перед этим успел сказать людям последние слова: «Покорюся меня все, кто не оставит меня добродельные исполнить его заветы, и вот я остался покоиться в лоне родной природы. А гору назвали его именем. И там по ночам вновь заливалась печальной песней пернатая певунья... Но никто её не видел.

Если в сердце нет оттая, не дано достать подруги. Любимая не найдётся, извещенье поведает. Мы дороги одолели, до заветной равнины чужой. Вот и жизнь уж на исходе, но исхода нет разлуке. Море горы поглотило, залестили меня волны. И исхожи мои губы, жажду утошечь, други. Слезы моих лились потоки, затопили даже тучи. Сердце ранено стонет, к небу простора роки. В голубисте я тоскую по душистой розе розе. Но шиты пронзили сердце, острые шиты разлуки. Избегая, настрадался и напаласкался Кухи. Милосердия не дождался, не подмоги, ни поруки...

На странице 144 автор, сославшись на фрагмент из трактата Ибн аль-Мунаввара «Асфар ат-таухид», сообщает о том, что Баба Кухи до заката дня обожал музыку, науку, словотворчество и сохранял молодую энергию и пылкость. И это не удивительно. Иные как бы мог стареть, а Баба Кухи, наоборот, с годами становился всё глубже душой и вызывал невольное желание обогнать хоть кто-то страдания великого поэта.

На странице 145 автор сообщает о том, что прожил Баба Кухи больше ста лет, сохраняя до конца дней своё доброе здравие, что подтверждает оставленное им богатое творческое наследие, уже, дошедшее до нас урывками. Его «Диван», пишет автор, отражает измерную часть наследия поэта.

«Диван» Баба Кухи, первый аннотатор перевода и издания «Дивана» Баба Кухи, являющийся первым в ряду сборников суфийской поэзии на всём Среднем и Ближнем Востоке, явился русским востоковедом Валентином Гусейновым.

25 апреля 1903 года он впервые выступил в Петербурге, в Академии наук с обширным докладом о Баба Кухи. Он не начинал собирать рукописи, содержащие материал, относящийся к наследию поэта, — первый намеревался написать обстоятельный очерк и перевести на русский язык его стихи. Но смерть помешала ему осуществить эти замыслы.

Первое издание «Дивана» осуществил в 1928 году в Бомбее Хасан Мухаммед Хасан. Книга была издана типографским способом. К сожалению, это неполное издание, имеющее много недочётов. Собирались подготовить «Диван» Кухи и Евгений Зурдариович Бертельс, и Александр Григорьевич Беттхольд. На их основе он отобрал 300 газелей, касид, рубай... но по неведомым причинам эти издания не реализовались.

а часть собранных текстов таинственных образом пропала. Казалось, дух самого поэта воспринял это совершенно этого благодарного труда.

«За эти годы продолжения и памяти всплывает предание, услышанное мною в Ширване, у усуплицин Хадиза, — пишет Рафаэль муаллим на странице 149. — С этим воспоминанием ассоциируется ещё одно загадочное сообщение из предисловия Мирзы Мухаммеда Гусейнова. В составленном им сборнике стихов поэта (рукописи хранятся в библиотеке Петербургского университета): «Однажды мне приснился шейх, и он мне сказал: к тебе в 1332 году хиджры (1913 — 1914 гг. по новому календарю) мечтает усталый, больной шейх, предавший долгую дорогу. Этим гостем будет мой «Диван», исхаженый неграмотными переписчиками. Исцели его, верни ему первоначальную красоту». То ли Шуа придумал этот сюжет, прибегнув к литературной импровизации, то ли это было. Как бы то ни было, я усматриваю в этом предисловии достоверный смысл». Этим теперь о чудесах, связанных с именем Кухи, я полностью соглашусь с автором книги.

На странице 149 читаем о том, что в начале XX века в различных странах Европы и в России почти синхронно поднимается волна особого интереса к наследию Баба Кухи. Более того, в 1906 году в Персии Мирза Ахмед-хан Салар-ас-Султан и Мирза Мухаммед Али-хан Нусрет ад-Довле, будучи повинуясь некоему повелению, берутся за благоустройство могилы Баба Кухи в Ширване, купил над которой, возведённый в 1858 году персидским правительством, пришёл в негодность.

Вскоре упомянутый выше Шуа случайно обнаруживает список «Дивана» за 1775 год, а затем более ранний — за 1755 год. И оба — с существенными изъянами. Он вновь «прокачивает» по тексту, исправляет, ретаркирует, наконец, обретает внутреннее успокоение, считая свой долг выполненным. Пролетит время, и в 1914 году, а затем в 1915 году оба списка «Дивана» попадают в российские архивы, где и хранятся поныне. «Я в студенческие годы перевёл стихи Баба Кухи на азербайджанский язык», — пишет Рафаэль Гусейнов на 150 странице своего книги. «Он прозвучали по радио в исполнении покойного актёра Гасана Абдулхад. Те персидские стихи, которые я ввёл, заново перевёл Кухи». В те времена подобные религиозно-мистические стихи не жаловали... И я решил на это автор книги ради того, чтобы наш поэт предстал перед современными читателями и исследователями его богатого творчества в своей долговечной сути.

Во мне и в душе в Создателя яро, И в ликах Земли, и в небесном краю, С восходом он вновь зажигает зарю, И в ликах Луны я Его узнаю.

Радения духа навек возлюблю,
Отличной сочли небеса для себя.
И плоть изгнорю. И гипос мне был:
«Я ждал вас, а ждал сотворивший тебя».

Предвечному вечному лику предстал,
От том приращении и грезил, мечтал.
Как Хизр, что живую воду испил и воспрянул,
Устами коснулся — бесмертные снижал.

О Господи Боже, Всевышний творец,
Ты и тайна, и виль мирозданный отец.
Войс сущее в мире твоем воплощение,
Достоинств твоих славы светом сердце!

Далее автор книги сообщает о том, что путешественник XVII столетия Сильва Фигеро посетил Ширван, и ему показали могилу Баба Кухи и рядом — другое захоронение. «Говорили, что рядом с ним похоронена дочь Ширваншаха. Якобы, ширванская красавица после кончины Баба Кухи поступила в дальнюю дорогу с намерением посвятить себе служению памяти любимого человека. Верится в это с трудом, ибо тогда в горах она таинственно исчезла, и на дальнейшем жизненном пути Кухи больше не встречалась, однако по рассказам дервишей до нас дошли и совершенно другие версии. На закате дней Баба Кухи покидает свою пешерную школу, спускается с горы и созывает к себе своих моридов, уже ставших почтенными шейхами. «Я возвращаюсь на родину, чтобы проститься с теми, кто ждёт меня. Но жизнь моя прошла здесь, и здесь должно быть похороненным». Сказав это, престарелый поэт вручает своим даширхатчианам аманат — диван стихов, посвящённых ширванской избранныце сердца, и ещё — список замка.

«Этот камень — склок с гор родины моей, где растася с любимой. Я привёз его с собой, и, куда бы не влила меня дорога, не расставался с этим камнем. Каждую ночь преклоняю голову на него, как на подушку, и засыпаю... Похороните меня с «Диваном» стихов моих и с этим камнем. И помните меня... когда пожелаете приветить душу мою.

И с камнем вместе пусть доносится приветственный гимн самого поэта.

Салам тебе, о Солнце! Свети, лаская взоры!
Расцветай улыбок и гряд, и доли-горы!
Салам тебе и слава, волшебная Луна!
Сиянием лунчарным Зияна озарена!
Салам тебе и слава, о, Истина Светлая!
Объясняющая мир без рубежей, без края!
Салам тебе, Создатель в божественных палатах,
Ты без меча на свете установил порядок!

Подготовила
Медина ГАСАНОВА.